Текст · 30 октября 2022, 11:39
Economist,

«Надо учиться убивать из безопасного места. И завещание напиши». Дневник украинского солдата. Часть 1. Обучение

По просьбе *Economist 1843* украинский военный, который был мобилизован летом, ведет дневник. Журнал не раскрывает его имени, но известно, что ему 30 с небольшим лет, в мирной жизни он занимался искусством, не любит «приказов и тупого мачизма», но пошел в армию, чтобы остановить «ебаное зло». Первая часть дневника — про четыре летние недели обучения новобранцев.

День 0

Мама постоянно плачет. Каждый раз, когда происходит что-то милое или эмоциональное. Плачет, когда я обнимаю нашу собаку Фиону. Плачет, когда папа обнимает меня. Говорю себе: после войны надо чаще видеться с родителями. И отвезти папу в Португалию.

Очень боялся, чтобы прощание с родителями не стало каким-то тотальным. Быстро, четко. Объясняю, что просто еду в поход. Буду учиться. Но пробую сделать так, чтобы им было хорошо. Обнял маму и папу на парковке военкомата. Дальше пошел один.

В военкомате сказали, что план изменился. Я теперь еду не в артиллерийское училище, а в другую военную

академию, в горах. Подробности расскажут позже. А пока посоветовали брать побольше детских влажных салфеток, чтобы ходить в душ и протирать пах. Потому что там, куда я еду, обычный душ будет не всегда.

Садимся в желтый школьный автобус, который ночью везет нас на нашу новую базу. Старший лейтенант в темноте становится посреди автобуса и раскрывает интригу: «Вы едете в десантно-штурмовые войска». Не улавливаю шутки о «краповом берете» и «я танки грыз, как барбарис», потому что в этот момент впервые за четыре месяца чувствую страх.

Все, с кем я говорил, советовали мне избегать штурмовых войск.

День 1

Первый завтрак: развалившаяся рисовая каша с морковью и сосиской, белый хлеб, несколько ломтиков колбасы (не отважился попробовать), пластинки дешевого сыра и яблоко, которое годы явно не пощадили. Нормально поедим после войны. А пока мне надо думать о другом. Майор на собеседовании предлагает выбирать между разведкой и десантно-штурмовыми войсками. К разведке подготовиться точно не успею. Испугался, взял десантно-штурмовые, как все. Прохожу быстрый медосмотр, который по глубине исследования похож на сообщение в телеграме: «Ну ты как, норм?». Я норм, правда.

Моим домом на следующие 45 дней станет блиндаж на 25 человек. Представьте себе нору с высокими

потолками и небрежно заколоченными стенами. Почти все пространство — сплошные двухэтажные нары. Чувак слева от меня, разумеется, храпит. Это невыносимо, так что я выхожу на улицу. Со мной приветливо здоровается чувак из соседнего блиндажа. Он выпил, потому что уже через день-два отправляется в часть. Спрашивает: «Какая специальность? ДШВ?! Будешь умирать!».

Мне сказали, что половины предварительного набора по моей специальности уже нет.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

День 2

Устроили тимбилдинг. Наши курилки представляют собой разбросанные в зарослях палеты, с неглубокими ямами, чтобы укрываться от осколков. Мы решили сделать как надо. Выкопали траншею на двойную глубину, обкидали землей, сделали лестницу, накрыли срубленными ветвями — типа для маскировки, но больше от солнца. Ребята, которые возвращаются со стрельб, хвалят нашу курилку-окоп: «Если прилетит, удобнее собирать будет».

Курсовой офицер рассказывает, что нас ждет следующие несколько недель. Говорит, программа у нас будет просто огонь: дадут натовское оружие попробовать, обкатку танками пройдем (лежишь себе на земле, а по тебе проезжает гусеничная техника),

имитации лазер-тегами. Услышали о программе. Ожили. Задвигались. Как дети.

Папа гулял по нашим маршрутам в бабушкином селе. Отправляет мне фото оврагов и пшеничных полей. Ему тяжело. Мама могла плакать, а он держал все в себе, чтобы не огорчать маму и меня. Показал папе блиндаж. Пытался его успокоить: мол, все хорошо, чуваки норм, полигон норм, еда тоже норм, спать норм. «Не знаю, что сказать, — пишет. — Не так хочется жить».

Первый раз появилась инфа от двоюродного брата Леши, который сейчас в Донбассе. Папа написал со слов дяди: «Алексей звонил, он живой, здоровый, но сложно». Обычно я с папой по телефону говорю, а не переписываюсь. Не понимаю, то ли он в тексте так лаконичен, то ли совсем раздавлен эмоционально. О ДШВ говорить ему точно не буду.

Ужин: картофель с тушенкой, хлеб с маслом, самое простое печенье и сладкий чай. Не думал, что так быстро начну ощущать счастье просто от того, что еда горячая и относительно вкусная.

День 3

Неожиданная новость: сократили время обучения с шести недель до четырех. Объявили об этом на общем построении утром. Родителям не буду говорить. Пусть будут спокойные.

Учеба не задалась. Я уже достаточно большой, чтобы понимать: мотивация — это персональное дело. Но преподаватель просто свалил с первого же занятия.

Сразу. Даже не напрягся сказать, кто он и что за предмет учим (общая тактика, мы догадались сами). Его больше в расписании на неделю нет. К счастью.

Следующий преподаватель — замена. Рассказывает об офицерской этике и лидерстве, при этом напоминает то ли гиперактивного пастора, то ли депутата-мажоритарщика из радикальной партии Ляшко. Слушаю импровизированную проповедь об отношении к Зеленскому, Залужному, правовому государству, причинам русско-украинской войны и качеству офицерского состава.

Полковник Перец — невысокий, краснолицый, с вечной ухмылкой — преподает огневую подготовку. Громкий командный голос выстреливает слова в пространство. Объясняет: «Я глушеный». Достает из кобуры и разряжает табельный пистолет Макарова. «Есть три предохранителя: голова, палец не на курок и только третий — механический предохранитель оружия». При перезарядке повреждает палец, течет кровь, но Перец продолжает говорить, не обращая на это никакого внимания.

Чтобы мы поняли, что все серьезно, полковник фиксирует свой авторитет так. Вызывает Романа, ростом два метра, и демонстрирует на нем давление на болевые точки. Судя по реакции Романа, не все оказались болевыми. Достается еще нескольким людям. Кому-то Перец зажимает болевые точки, кого-то ломает голосом. Последней жертвой выбирает меня. Ладонью вжимает мой нос в лицо, заставляя присесть. «Только бы это была не та окровавленная рука! — молюсь я. —

Это не гигиенично». Потом он пальцами больно надавливает посреди груди.

День 4

Жарко! В первые дни нам повезло, было пасмурно. Теперь придется позагорать.

Второй день обучения лучше первого. Преподаватель топографии пока лучший из наших преподавателей. Серьезный, сфокусированный офицер. Не хочется с ним шутить. Учимся ориентироваться на местности, исследовать рельеф, определять координаты на картах. Посреди занятия — воздушная тревога. Во время тревог запрещено находиться в учебных помещениях, так что заканчиваем занятия по топографии под деревом, учимся определять направление по солнцу. Информации так много, а времени так мало. С каждым днем мы на шаг ближе к фронту.

После обеда разбираем ДШК[1]. Это такой пулемет, который начали производить еще в конце 1930-х. Его до сих пор очень активно используют и говорят, что норм штука. Но я не могу принять тот факт, что в 2022 году приходится пользоваться оружием, для разборки которого нужен молоток. Кто-то разбирает умело и быстро учится. Кто-то совсем нежно и гуманитарно подходит к пулемету. Кто-то разбил пальцы.

Решил, что базовой рутиной для меня станет спорт. Утром пробежка. Бегать перед ужином слишком жарко, а после — тот еще кайф бежать с полным желудком. Буду вставать в 6:00. А

вот вечером — турничок, отжимания, планка. Интуиция подсказывает, что здесь меня спасет рутина, дисциплина и добродушие.

Друзья дома спрашивают, как я себя здесь чувствую. Честно? На своем месте.

День 6

Нам выдали плитоноски[2] с керамическими плитами, сумки под автомат и шлемы. Хорошо, что снаряга не тяжелая. Плохо — что не очень подходит. У большинства в моем взводе брони висят чуть ли не на поясе, болтаются. Выглядят совсем не как взвод десанта. Настраиваю людям брони так, чтобы пластина хотя бы прикрывала сердце и жизненно важные органы.

Занятия по международному праву — это нечто. «Международное право — для стран, где чай-кофе-ланч, — говорит преподаватель, который с трудом справляется с украинским языком. — А у нас на камеру все такие толерантные, но в жизни и те и другие пиздят». Затем следует поток сознания на тему «Америка никогда не дает деньги просто так». После занятия подходят ребята, спрашивают: «А тебе не показалось, что он какой-то ватный?».

После 22:00 быть на улице нам нельзя. Ребята уселись на нары, болтаем. Саня, смышленый, добродушный и болтливый парень, предложил сделать каждому именную рюмку из большой гильзы. По его замыслу, каждый вытащит и заберет с собой чужую рюмку. После войны, чтобы забрать гильзу со своим именем,

нужно будет встретиться. Я чуть не расплакался. И не только я.

День 7

Захотел побыть один и ушел на пробежку раньше. Очень красиво. Видел трех дроздов, зайца и сороку. После пробежки моюсь в летнем душе на улице и там же стираю одежду. В блиндаже есть стиральная машина, но там и так сыро, плохо с вентиляцией. Когда ребята развешивают постиранные вещи, ощущение сырости словно удваивается.

Возможно, что я романтизирую войну. Но иначе мне страшно будет.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

День 8

Солнце жарит невыносимо, спрятаться негде.
Мы в полном экипе, шлемы, разгрузки.
Офицер-инструктор рявкает команды первого упражнения на сегодня. Идем колонной по одному канавой вдоль дороги. Падаем всякий раз, когда проезжает машина. Потом воображаемого врага надо обойти с фланга, напролом через заросли.

Упали, замерли. Упали, замерли. Упали, замерли. Мне нравится лежать на земле. Запах теплой глины и

полевых цветов поглощает все мое внимание. Перед выходом я набил карманы злаковыми батончиками. Достаю и жую их всякий раз, когда падаем и замираем. Чувствую себя как будто в раю. Реальность накатывает, когда надо вставать и ломиться через заросли. Ветки деревьев бьют по лицу, колючки впиваются в руки. Использую шлем как таран.

Сегодня получили оружие. Автомат и пистолет были на консервации много десятилетий. Думал ли чувак, который в 1950 году заливал мой пистолет солидолом, кто и при каких обстоятельствах будет его оттирать? Солидол приходится доставать из самых глубоких щелей, чтобы ни капли не осталось. Потом автомат и пистолет нужно смазать и начистить до блеска снова. На это уходит весь вечер, до отбоя.

Белокурый круглолицый парень из моего взвода (я еще не все имена запомнил) удивляется: «Никогда не думал, что у меня будет собственный автомат. Сказали бы хоть: бери, только осторожно, не сломай. А тут — на, нахуй, бери. Все».

День 10

Утром в блиндаже особенно сильно воняет ботинками — днем они либо на ногах, либо просыхают у входа. Но ночью их заносят внутрь, и аромат ног целого десантного взвода наполняет всю землянку, где и без того воздух тяжелый и влажный. Мы спим на нарах на расстоянии 30 сантиметров друг от друга. Мой сосед слева неудержимо храпит. И он здесь такой не один. Храпуны будто сговорились: когда один затихает, обязательно включается кто-то из группы поддержки.

Днем на занятии преподаватель распинается, как прекрасно было в СССР. Какой дешевый был бензин. Как все были довольны. А я совок не вывожу вообще. Мы до сих пор вынуждены разгребать все это дерьмо, которое он нам оставил: в государственных структурах, в армии, а самое главное — в мозгах. Бесит, когда кто-то в строю поет советские песни. У меня советский военный песенник ассоциируется с тупой солдатчиной и презрением к ценности человеческой жизни.

С удивлением обнаружил, что большинство людей в моем взводе думают так же. Они надежно вакцинированы. Каждое упоминание совка электризует воздух.

День 11

Худощавый подполковник, который рассказывает, как спасаться от химической атаки, уверен, что учимся мы не зря: Россия точно будет использовать и химическое оружие, и тактическое ядерное. «Еще 20 февраля все говорили, что войны не будет, — рассказывает он. — А я говорил жене: будет, будет,

будет». Говорит, что нет смысла смотреть на радиус поражения в случае удара тактической ядерной бомбой, но если мы будем хотя бы в полутора километрах от взрыва, выжить вполне реально. Вселяет надежду.

Одеваемся в зеленые защитные костюмы «слоников». Натягиваем потные от предыдущего отделения резиновые противогазы. Делать это нужно быстро, не вдыхая и с закрытыми глазами, чтобы токсины не попали в организм. Но самое гадкое — перчатки. Чувствуешь на пальцах пот предыдущих курсантов, черная плотная резина — теплая и влажная.

День 12

Мы набились в кузов КрАЗа под завязку и едем на полигон. Брезент тонкий, уже видел жизнь и протекает в местах, где задерживается вода. Чем дольше мы едем, тем интенсивнее она льется на голову. Капает на плечи, панамы, штаны и оружие. Чтобы справиться с потоками воды, натягиваем брезент: где-то вставили под раму каску, а где-то подперли прикладом автомата.

Сегодня учимся водить БМП (бронемашину пехоты). Я много лет за рулем, но эта система управления приводит меня в замешательство. Куча рычагов. Передача переключается совсем не так. Ощущения — как на металлургическом заводе 40-х годов. Пробую запомнить хотя бы про ручные стояночные тормоза. (Если поехать и не выключить, двигатель будет перегреваться и дымить.) Офицер-инструктор знает название каждого винтика в БМП, а вот машину водить до сих пор опасается: «Я себе легковушку

только сейчас купил. Раз семь садился за руль, еще немножко по городу ездить мандраж берет. А на танке или бэтээре по городу — заебись, все тебе дорогу уступают».

По дороге обратно считаем, сколько людей нам машут. Парень двадцати с чем-то лет на раздолбанной машине тормозит у светофора, протягивает нам сигареты. Другой водитель бросает пачку нам в кузов прямо на ходу. Двое малышей на тротуаре равняются в нашу сторону, отдают честь и начинают маршировать. Женщина возраста моей мамы крестит нас вслед.

День 13

Ночью проснулся от того, что дышать нечем. Блиндаж заполнен туманом: дыхание двух десятков тел, сырость, запах плохо выстиранных влажных носков, полотенец и футболок. Голова будто вареная, все плывет в глазах. Потом понял: дверь в блиндаж закрыта.

Богдану из моего взвода написала девушка. Она беременна. «Забил гол, нах», — 24-летний Богдан сначала светился от счастья. Но потом, говорит, стало страшно: «Они там, а я... неизвестно где. Дома работы дохуя всякой... Мы не женаты. Но надо что-то решать. Зарплату получу — кольцо куплю, и надо пиздовать в загс. Один день работы. Для военнослужащих без очереди». Богдан садится рядом. Открывает переписку, показывает мне фотки: маленькая улыбающаяся девочка с круглыми щечками и набеленным лицом. Дальше — фотопруфы

теста на беременность и носки, которые мама невесты уже купила ребенку.

В коридоре висит зеркало, случайно вижу свое отражение. На меня смотрит какой-то незнакомый бородатый тип в форме.

День 14

Учусь стрелять, потому что надо, а не потому что очень хочется. Мой внутренний подросток даже пищит, когда нужно бежать, продираться сквозь заросли, продумывать план перемещения, атаковать, обороняться. А вот стрелять... Меньше стрельбы меня привлекает только метание гранаты. И что же у нас в программе на сегодня?

Для начала обучающая граната взрывается в руке преподавателя (почти предполагаемый и почти контролируемый взрыв, ничего страшного). Я понимаю: лучше без героизма и излишней самоуверенности. Бросаю, чтобы бросить подальше, а не попасть в цель. На адреналине попадаю учебной гранатой прямо в мишень, которая имитирует наступление вражеской пехоты. А вот боевая летит хоть и далеко, но куда-то в сторону. Чувствую не грусть, а облегчение.

Мама прислала рисунок от племянницы Варвары: какой-то бородатый дед в военной форме. Волос у него по сравнению со мной слишком много. Борода моя станет такой где-то на второй год войны. А вот с небом Варвара полностью угадала. Облака такого же цвета, как пролетающие над моим полигоном. «Я тебя люблю, — написала она. — Слава ВСУ».

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

День 15

В грузовике под брезентом невыносимо жарко. Ощущение — как в сауне, только воняет нагретой резиной и все в мелкой пыли. От плеча к локтю ручьем течет пот. Щекотно. Потом капли собираются на запястье и срываются на пол. Пытаюсь принять эту жару. «Разреши боли быть», — говорила моя преподавательница йоги.

Нас всех отправляют в военный госпиталь на флюорографию. У меня вообще был нормальный медосмотр. Травматолог осматривал долго и тщательнее, чем обычно: «Я не хочу, чтобы в нашу армию косых и кривых набрали». Но его позиция скорее исключение, чем правило. Две руки, две ноги — идеальный десантник.

Я рад, что мы пробудем в госпитале недолго. Здесь быстро могут накрыть эмоции. Время как будто притормаживает, когда мимо проходят раненые на

костылях. Тихо, но тревожно. Хрупкая девочка с прямыми черными волосами идет рядом с невысоким мужчиной в форме. Кажется, ему лет 45. Едва переставляет ноги. Лицо изрыто свежими шрамами, отсутствующий взгляд. Он заново учится ходить, и цель у него одна: прийти из пункта А в пункт Б. Понимаю, что на самом деле он не сильно старше меня.

День 16

Скалодром. Нам нужно преодолеть препятствие: деревянные дощечки на металлических тросах, натянутых метрах в трех над землей. Еще один трос выше — чтобы держаться руками. Мы в бронниках и шлемах. У кого-то заметное брюшко. Кто-то совсем мелкий и едва дотягивается до троса, за который нужно держаться. Многие запыхались, лица красные, пот льется ручьями.

Я как рыба в воде. Подставляю руки и помогаю «братьям по оружию» забраться на препятствие. Без проблем перебегаю на другую сторону. «Сразу видно, кто в детстве по деревьям лазил», — говорит инструктор. Стараюсь не очень палить улыбку.

Отрабатываем десантирование в тылу врага с уничтожением опорного пункта. Летать нельзя, поэтому десантируемся из грузовиков. Сейчас важнее не прыгать с высоты, а четко взаимодействовать и занимать позиции. Залегаем в траве. Стараемся не оказаться позади грузовика — там винт вертолета, который может превратить бойца в фарш.

Заряженный боевой офицер учит нас занимать позицию для обороны в поле. Инструктаж на прощание: «Закопайтесь поглубже, чтобы сохранить жизнь личного состава». Копать нужно всем, что есть под рукой: лопатами, ножами, до кровавых мозолей: «А если руки устали — копайте ногами. Поверьте, очень страшно смотреть в глаза родителям, когда привозишь их сына, а он "двухсотый"».

День 17

Против нас применяют давно запрещенные международным правом средства минирования. Кто-то нарвется на «Ведьму» — противопехотную мину, которая взлетает и взрывается на уровне человеческого роста. Выжить не получится. Даже взрыв не услышишь. Только громкий свист перед взрывом, когда мина подлетает вверх. Но даже тем, кому повезет, не избежать растяжек. Во время обучения на полигоне мы подрываемся постоянно. Инструктор говорит, проблема в том, что мы «слишком гражданski ходим».

На перекуре рядом со мной садится Влад и неожиданно спрашивает: «Понимают ли люди, которые начинают войну, сколько жестокости они творят?». К сожалению, ответ — да. Причем понимают значительно лучше, чем мы можем себе представить. Людям, которые начали вторжение в Украину, безразлично, сколько бухгалтеров, пиарщиков и врачей будут вынуждены учиться на десантников. «Я не могу этого понять, — говорит Влад. — Ну как так?!».

Самые опасные боеприпасы сделаны из подручных средств и замаскированы. Игрушки, которые

валяются под ногами, камень среди поля, который кому-то точно захочется пнуть. Нам нужно будет уметь находить эту хуйню и обходить ее десятой дорогой — и учить этому подчиненных. Записываю правило: не я эту мину создал, не мне ее и снимать. Как командиры мы должны уметь составлять карты минирования, в нескольких экземплярах — для разных военных инстанций. Таким бюрократическим штукам я учусь с удовольствием. Это действительно важные документы.

Инструктор уверен, что работы саперам хватит надолго: на каждый год войны нужно закладывать десять лет разминирования.

День 18

Нам приказали готовить операцию по освобождению южных регионов. Наши войска постепенно там продвигаются. Думаю, где-то через месяц начнется настоящий движ. Вот бы попасть туда. Я хочу зачищать Херсон, а потом Кинбурнскую косу — место, куда мне так нравится ездить с друзьями летом с палатками. Утром купаться в море, бесконечно готовить на огне вкусную еду. Русские после оккупации поставили там войска. Сжигают все. Говорят, национальный парк на косе сильно поврежден пожарами.

«Умные учатся на своих ошибках, — говорит наш инструктор, — а мудрые — на чужих». Анализируем американскую «Бурю» в иракской пустыне. Тренировки становятся все более интенсивными. После утреннего тактического разбора нас

отправляют окапываться. «А отдохнуть когда?» — «После смерти». Обычно наши инструкторы такого себе не позволяют. Тема смерти для них сверхчувствительна. Все они сражались, все теряли людей. Но на этот раз решили напомнить нам о реальности.

Друзья, которые уже на фронте, добавляют меня в солдатские группы, шлют реалистичные описания того, что происходит, и кучу полезных советов. Один из друзей пек лучшие брауни в Киеве. Теперь он сражается под Херсоном. Его советы: «Не геройствуй, блядь, только. И не лезь в залупу Петра Первого и очко дьявола. Чем меньше романтики и пунктиков, тем больше шансов, что не сгорите... Надо просто учиться убивать из безопасного места. И завещание напиши. Это вообще кроме шуток».

Завещание? Понятия не имею, как это работает. Я просто оставил карточку родителям, а ключи от квартиры — друзьям. Надо будет перед отправкой проконсультировать друзей, как добраться до моих банковских страниц и что, куда и кому передать. «Осталось только 15 миллионов расписать», — шутит мой друг. Семье погибшего на фронте, если с формальностями все улажено, выплачивают 15 миллионов гривен[3].

День 19

Сегодня день, которого мы так ждали: «обкатка танками». Я залетаю в подготовленный посреди дороги окоп. Одиночными палю по оптике гусеничной бронемашины, чтобы «ослепить» ее. БМП

надвигается. Бросаю противотанковую гранату. В последний момент залегаю в окопе, чтобы броня проехала надо мной.

В настоящем бою гранат в танки мы бросать не будем. Зачем подходить так близко, если есть более современные методы? «Джавелин» спокойно сжигает российский танк с расстояния 2500 метров. Да и залегать между гусеницами тебе ни один бурятский танкист не позволит. Но цель инструкторов — не готовить нас к старой войне, а сделать так, чтобы мы меньше боялись вражеской брони. Вот и все. Боишься пауков — полезай к ним в клетку.

Я не прочитал ни одной страницы нормальной книги за последний месяц. Мой словарный запас стремится к 30 словам, в основном это военные команды. Читать и правда снова пора, но не привычную для меня литературу. Хочешь выжить, хочешь сохранить жизнь людей — читай уставы, техническую документацию и книги по тактике. Перед сном выхожу из блиндажа. Над ним зависла полная луна. Совсем рядом, буквально в метре, медленно пролетела сова. Она меня заметила, но решила не менять маршрут. Большая, красивая.

День 21

Шмыгаю носом — как и весь блиндаж. Видимо, дружно схватили какой-то вирусок. Большинство ослабли, стараются лечь спать пораньше. Чтобы получить освобождение от занятий, нужно зарегистрироваться у дежурного и идти к медикам. Из диагностических практик здесь вариантов всего

два: померить температуру и посчитать, все ли конечности на месте.

Надоел детский сад вокруг: постоянное нытье, вальяжная расслабленность. Накопилось много агрессии. Но желание видеть себя хорошим человеком заставляет выдыхать и притормаживать. Кому-то из ребят тяжело, не все адаптируются мгновенно. Мозг не решает вопросы, а истерически кричит: «А-а-а-а! Где я? Кто я? Что со мной будет?».

Но проблема еще и в подготовке, и всему виной контраст. У нас есть классные боевые офицеры-преподаватели, таких больше половины. Им не все равно. В мирное время я бы заплатил за такой курс. Легко, не думая. Но на этом фоне особенно выделяется и мозолит глаза совок. Бестолковая и неуместная в контексте антитоталитарной войны солдафонщина. Конечно, никто не оправдывает Сталина. Они уже украиноязычные и антирусские, но все еще совки — зашоренные, закомплексованные, античеловечные.

Иллюстрация: Ника Кузнецова / Медиазона

День 22

Полигон пахнет полынью. Сидим на траве, расслабленно и мечтательно обсуждаем «химеры[4]».

», которые палят по русским тылам под Херсоном. Вот бы вся война была такой. Валяешься на траве

с хорошими людьми. Ветерок, солнышко. Красивая музыка. Если в меня прилетит, я бы тогда хотел быть в таком состоянии, как сейчас.

Сегодня с нами отрабатывали поведение в плену. Я чуть ли не час лежу со связанными за спиной руками. Время течет совсем по-другому. А когда глаза и рот перемотаны скотчем, перестаешь ориентироваться в пространстве. Меня отводят в сторону от остального взвода и бросают на землю. По дороге получаю кулаком в печень. Бьют несильно. Поливают водой. Имитируют отрезание пальца. Потом преподаватель развязывает. Говорит: «Молодец, ты выдержал!». Что я выдержал? Я знал, что это фейк.

Вечером по телефону наговорил глупостей, был слишком откровенен, слишком открыт, слишком тревожен. Я все испортил? Ощущение, что да.

День 23

К занятиям по тактической медицине преподаватели других предметов относятся немного пренебрежительно. Не очень понимаю почему, организованы они круто. Учимся думать в условиях стресса, минимизировать потери и травмы. Бегаем перед каждым практическим мероприятием, чтобы сымитировать повышенное от стресса сердцебиение. «Раненый — это ваш рабочий стол, — говорит инструктор. — Вам должно быть удобно». Фиксирую все. Накладываю тренировочный турникет. Надеюсь, никогда не понадобится.

В столовой повесили плохую репродукцию «Тайной вечери». А у нас на столах сегодня какая-то противная,

бездушно переваренная рисовая субстанция. Еда здесь — это просто еда. Калории, которые ты потребляешь. Если относиться так, то есть можно. В обед дают яблоки. Маленькие — целиком, большие — по половинке. А сегодня вообще дали половину банана.

День 25

Серьезный, невысокий, выжженный солнцем полковник-морпех разбирает с нами, как форсировать водные преграды и как действуют россияне в наступлении. Говорит, их методы уже вполне ясны. Вперед пускают мясо из так называемой ДНР, а сзади ползут по-пластунски российские военные, надеясь остаться незамеченными. Пока мы разбираемся с передним краем, они подбираются поближе, а затем включаются со следующей волной атаки. По идее, на каждое отделение должен наступать минимум взвод (считается, что для удачного наступления нужен численный перевес минимум втрое). Но нас предупреждают, что наступающих обычно ощутимо больше будет.

Полковник советует не забывать о собственном здоровье и питании. Но предупреждает, что от инжира и орехов ноги мерзнут: «Не знаете разве? Ночью член поднимается, задирает одеяло и ноги мерзнут».

День 27

Богдан сегодня женился. В курилке показывает всем по очереди видео со свадьбы. Улыбающаяся

невеста снимает на селфи-камеру себя и как Богдан открывает бутылку игристого. Под важный день он купил новенькую пиксельную форму. Выглядит счастливым, прямо светится, улыбается. На радостях он потеряет полный патронов магазин к АК. Будем искать всем взводом во время тактических тренировок.

Мы захватываем населенный пункт, окруженный минными заграждениями. Управляю отделением, которое вступает в бой первым, проходит минное поле и держит противника под огнем, пока два других отряда не займут позиции на флангах. Выкрикиваю команды что есть силы, быстро срываю голос. Дальше общаюсь жестами. Нас сразу предупредили: в условиях реального боя с россиянами рации не будут работать, их заглушит противник. Занимаем позицию и понимаем, что у третьего отделения накладка. На их стартовой точке крестьяне пасут коров. Крестьяне дружелюбны, говорят: «Слава Украине». Шутят про неудачное десантирование и спрашивают, все ли у нас есть.

Возвращаемся на базу в полной темноте. «Может, берцы уже и не снимать, завтра все равно обувать надо», — говорит Вова из моего взвода. Он человек практичный, глупого не предложит.

День 28

С утра приезжает начальник академии. Генерал. Тот самый, из-за которого в столовой становится вкуснее (на самом деле не факт). Тот самый, на глаза которому нам советуют не попадаться (а это факт). Тот самый,

который даже не генерал (но мне слишком удобно мысленно называть его «генерал»).

Я ною, что не хочу участвовать в «показухе». Мой план тихонько отсидеться на полигоне, как все, дает трещину. Генерал меня замечает, подзывает, спрашивает, как мне занятия. А что я понял? Да вроде бы все понял. Пересказываю ему порядок десантирования, схему прикрытия огнем, правила коммуникации и необходимость занять оборону после выполнения задания. Генерал говорит, что судьба моя решена: «Станешь взводным, ротным, а потом комбатом». Нет, комбатом я не стану никак, я ебал. Оперативный уровень — это уже для кадровых офицеров.

После десятикилометровой пробежки звоню домой. Им сложно воспринимать то, что мне придется проходить. С вероятностью 90 процентов я окажусь на фронте в течение месяца. А может, и пары недель. Это не война специалистов — где их столько взять? Мысль у меня простая. В марте в каких-то 60 километрах от города моих родителей проезжала российская бронетехника. Может, кому-то нужны еще аргументы. Но мне вполне достаточно.

Это наш последний учебный понедельник. Дальше будут только настоящие.

Обновлено 12 марта. *К сожалению, «Медиазона» не сможет опубликовать перевод второй части дневника, но прочитать ее по-английски можно здесь.*

Оригинал: *Learn to kill from a safe distance. And write a will*, *The Economist/1843, October 6, 2022.*

© 2022, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com

1. 12,7 мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева — Шпагина образца 1938 года.
2. Чехлы под бронеплиты.
3. Около 400 тысяч долларов, или 25 млн российских рублей.
4. Системы залпового огня M142 HIMARS.